

УДК 821.112.2-34
ББК 84(4Гем)-44
П26

Bernd Perplies, Christian Humberg
DIE UNHEIMLICHEN FÄLLE DES LUCIUS ADLER.
DER GOLDENE MACHTKRISTALL
© 2016 Thienemann in der Thienemann-Esslinger
Verlag GmbH, Stuttgart

Перплис, Бернд.
П26 Люциус Адлер. Тайна золотого кристалла / Бернд
Перплис, Кристиан Хумберг ; [перевод с немецкого
О. Теремковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-104521-0

Быть сыном известной иллюзионистки непросто, но в то же время ужасно весело. Путешествовать по миру, выступать на сцене и срывать восторженные аплодисменты – такой была жизнь Люциуса до тех пор, пока его матери Ирэн Адлер не стала угрожать смертельная опасность. Люциус не мог и представить, что в конце концов он окажется на попечении известнейшего сыщика Лондона Шерлока Холмса! А ещё он не думал, что в доме на Бейкер-стрит будет так скучно... Все изменилось, когда мальчик узнал о странном происшествии в Британском музее. Кто-то забрался ночью в один из залов и похитил лишь один древний артефакт: золотой кристалл, спрятанный в статуэтке древнего бога. Почему вор решил похитить именно его? Какие секреты хранит древний кристалл? Люциус решает распутать это дело! Правда, для начала ему придётся обзавестись новыми друзьями, которые помогут вести расследование.

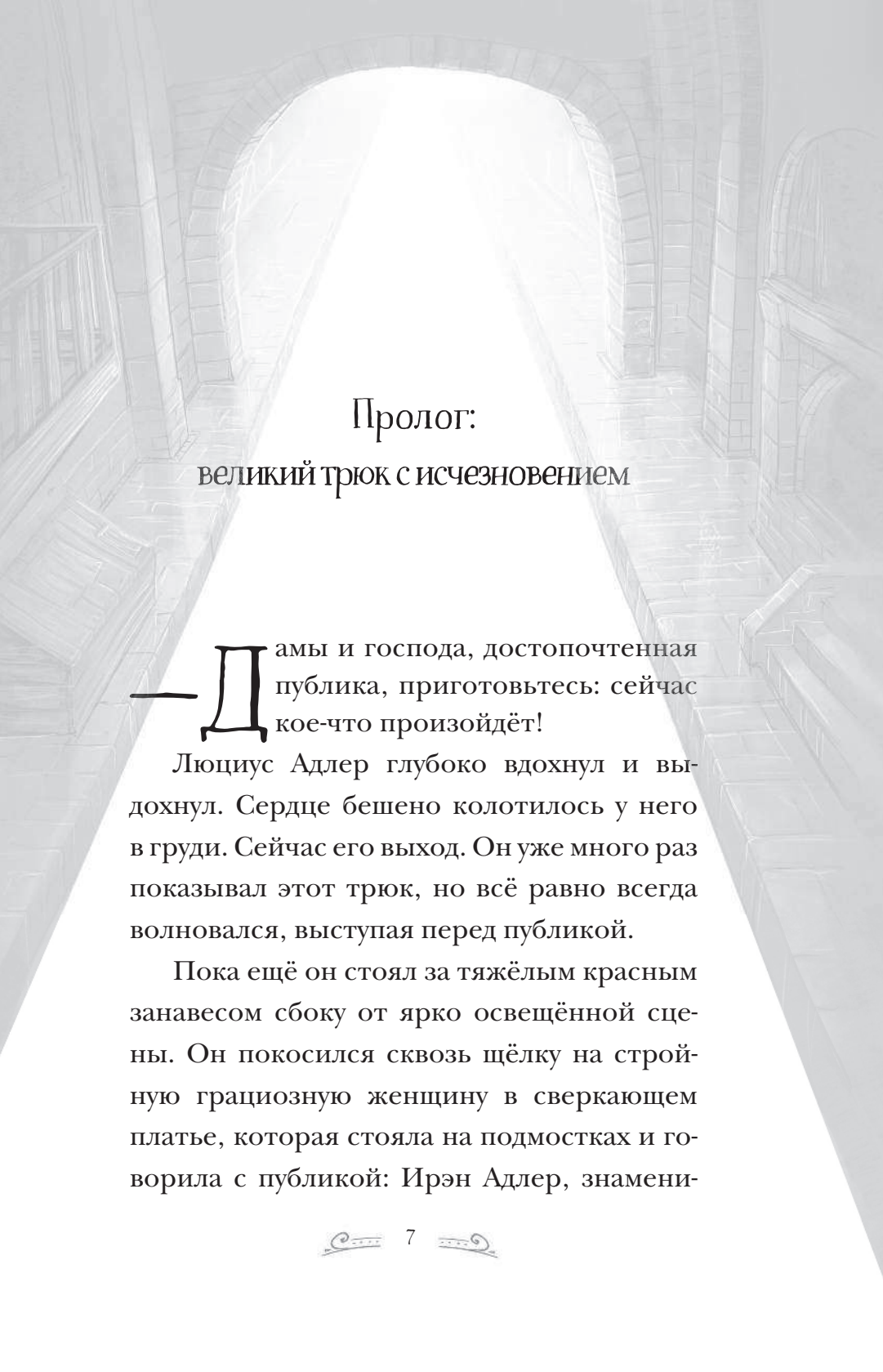
Книга – номинант на престижную литературную премию Ulmer Unke и премию «Лучшая детская книга» на портале Lovelybooks.de

УДК 821.112.2-34
ББК 84(4Гем)-44

© Теремкова О., перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-104521-0

Лукасу Максимилиану посвящается
Вперёд, навстречу приключениям!

Пролог:
великий трюк с исчезновением

— Дамы и господа, distinguished публика, приготовьтесь: сейчас кое-что произойдёт!

Люциус Адлер глубоко вдохнул и выдохнул. Сердце бешено колотилось у него в груди. Сейчас его выход. Он уже много раз показывал этот трюк, но всё равно всегда волновался, выступая перед публикой.

Пока ещё он стоял за тяжёлым красным занавесом сбоку от ярко освещённой сцены. Он покосился сквозь щёлку на стройную грациозную женщину в сверкающем платье, которая стояла на подмостках и говорила с публикой: Ирэн Адлер, знамени-

тая фокусница, неуловимая воровка — и вдобавок его мама!

Свет на сцене изменился. Он приобрёл зловещий красноватый оттенок, когда работники роскошного парижского театра, в котором проходило представление, выдвинули декорации и чаши с пылающим огнём. Музыканты в оркестровой яме заиграли мелодию, напоминающую дальневосточные мотивы.

— Мы отправляемся в Индию, — заговорщицким тоном объявила Ирэн публике, наклонившись вперёд и нагнетая напряжение. Она, как и Люциус, свободно говорила по-французски — а ещё по-английски, по-немецки, немного по-итальянски, по-китайски и по-арабски. С тех пор как Люциус появился на свет, они повидали много стран.

— Всего несколько лет назад, — продолжила мама, — в Индии бесчинствовали злостные туги — разбойники и убийцы, служившие жестокой богине смерти Кали. — Мама была в своей стихии — она скользила по сцене, плавно поводя руками. Люциус не сомневался, что все зрители — особенно его ровесники, которые пришли на представление с родителями, — как зачарованные смотрят ей в рот. — Туги были

тайным орденом преступников и безумцев и не щадили своих жертв. Они убивали из корыстных побуждений и ради забавы.

Люциус сдул с лица прядь тёмно-каштановых волос. В этот вечер мама особенно сгустила краски. Наверное, хотела напугать какого-нибудь нахального карапуза в первом ряду.

— Иногда, — продолжала Ирэн, — они не сразу убивали своих жертв-иностранцев, прибывших из Англии или Франции. Разбойники похищали их, чтобы принести в жертву своей злобной четырёхрукой богине на подземном алтаре. Как это выглядит... — она сделала драматическую паузу, — вы сейчас увидите. На сцене — ужасные туги!

Люциус взглянул через плечо на двоих работников театра, которых мама привлекла к этому фокусу. Крепко сложенные, обнаженные по пояс парни с накладной бордой и подведенными тёмной тушью глазами выглядели устрашающе. Люциуса невольно пробрала дрожь. Но потом один из них ему подмигнул, и мальчик снова расслабился. Это всего лишь шоу.

— Пора, — шепнул он.

Пошатываясь, будто его сильно толкнули, он вышел на сцену. Там, где сидели зри-

тели, было довольно темно. Кроме того, его на несколько секунд ослепил свет огненных чаш и потрескивающих дуговых ламп, направленных на него, так что публику он почти не видел. Но это было не важно. Главное сейчас — устроить хорошее представление. За ним на сцену вышли мнимые туги. Они рычали и петушились, чтобы казаться ещё более грозными. Дико сверкая глазами, они поглядывали на публику и на Люциуса. Он изображал бедного, выглядящего почти до смешного британским в своём матросском костюмчике паренька, угодившего в руки убийц.

Очевидно, ему удалось произвести впечатление. Люциус услышал, как потрясённые зрители в первом ряду набрали в грудь воздуха. Он мысленно улыбнулся. Для пущей убедительности ему хотелось завопить во всю глотку и позвать на помощь. Но по сценарию настроение должна была создавать музыка оркестра.

Зловещие звуки скрипок и чужеземных барабанов сопровождали Люциуса, которого туги подтолкнули к подвешенной на тяжёлых цепях толстой каменной плите, где стоял напоминающий гроб ящик из тёмной полированной ценной древесины. Пока

мама Люциуса говорила с публикой, один из работников театра спустил плиту с потолка.

Ирэн тем временем покинула сцену: Люциус знал, что за кулисами две ассистентки на скорую руку превращают её в жрицу богини Кали.

С выражением смертельного ужаса на лице Люциус рухнул на ящик. Когда мнимые туги обступили его, он, обороняясь, вытянул руки, распахнул глаза и разинул рот в безмолвном крике. Он просто обожал играть в театре!

Один из здоровяков схватил его, другой откинул крышку ящика. Люциус затрепыхался, отбиваясь, а потом позволил сильному работнику театра поднять себя в воздух и с размаху опустить в ящик. Скорчившись, он с испугом выглядывал из тёмного ящика.

Грянули литавры, и внимание публики приковала левая сторона сцены. Там снова появилась мать Люциуса. Ассистентки отстегнули рукава её платья и обмотали её обнажённые руки красными лентами. Кроме того, на шее у неё было ужасное ожерелье из усохших голов — разумеется, деревянных (некоторые из них Люциус выстрогал сам). Её лицо наскоро загримировали, чтобы

придать ему чужеземные черты. За ней на сцену вышел третий туг, толкая перед собой деревянную стойку с пятью мечами разной длины.

— Бедный мальчик из добропорядочной британской семьи, — крикнула Ирэн, указывая на Люциуса, — попал в руки убийц! Сейчас они жестоко принесут его в жертву своей тёмной богине Кали!

Снова ударили литавры, и за сценой зажгётся ещё один свет, проявив очертания огромной четырёхрукой фигуры, сидящей, казалось, по ту сторону занавеса. Её руки поднимались и опускались на невидимых верёвках.

Мать Люциуса кивнула своим спутникам, и мнимые туги стали запихивать его поглубже в ящик, пока Люциус не скрылся в нём целиком. Крышка захлопнулась. Вокруг Люциуса сгустилась темнота — лишь через несколько щёлок в ящик проникал красноватый свет. Но Люциуса это не волновало: он мог показать этот номер даже с закрытыми глазами.

Он вытянулся в выемке каменной плиты под деревянным ящиком. Массивная на вид плита, разумеется, была не настоящей. Она состояла из не слишком просторного поло-

го ящика, на который снаружи были наклеены камни. В этом укрытии Люциус будет ждать своего выхода, пока мама продолжает представление.

Он слышал, как она рассказывает под драматические звуки музыки, что «бедного мальчика» сейчас постигнет ужасная смерть. Люциус вытащил деревянную доску и положил себе на грудь. Особой необходимости в этом не было. Единственный театральный клинок, который доберётся до него в этом укрытии, снабжён пружиной и втягивается в рукоятку достаточно глубоко, чтобы не ранить его. Но Люциус считал, что осторожность не повредит. Порой фокусы не удавались. Об этом говорили во всех театрах и цирках, где им с мамой доводилось выступать. Так что пусть уж лучше меч тугов вонзится в доску, а не ему в грудь.

Первый меч со скрежетом прошёл по центру ящика над его шеей. Второй мать воткнула в прорези ящика над коленями Люциуса. Публика в зрительном зале сейчас наверняка затаила дыхание. Люди представляли, что Люциуса живьём насаживают на остриё.

Как-то раз он решил пошутить: тайком протащил с собой в ящик горшочек с крас-

ной краской и незаметно обмазал ею нависшие над ним мечи. Когда мама их вытащила, клинки были словно окровавленными. Несколько зрительниц упали в обморок, а Люциусу позже пришлось выслушать от мамы нотацию. Но потом она улыбнулась и назвала его великим плутишкой.

Самый длинный меч медленно прошёл вдоль ящика, за ним два последних лезвия мягко ударились сверху о доску на его груди. Люциус раздумывал, не издать ли пронзительные крики боли, но потом решил в этот раз всё-таки не своевольничать, добавляя представлению остроты.

В музыке нарастал драматизм, в то время как каменная плита с ящиком на цепях несколько раз повернулась по кругу, чтобы все видели, что её проткнули в нескольких местах. Раздалась барабанная дробь. Мать Люциуса один за другим вытащила мечи из ящика.

— Паренёк мёртв — его тело растерзано клинками! — воскликнула она. — Туги и их богиня торжествуют. Но не рано ли они обрадовались? Может, мальчику удалось убежать?

Люциус поспешно отодвинул доску и приготовился. Сейчас настанет эффектная развязка — трюк с исчезновением. Он

выдохнул, стараясь стать как можно более плоским.

Стенки ящика с грохотом обрушились на каменную плиту. Мальчика окружила непроглядная темнота. Через четыре слоя досок, сложившихся над ним на шарнирах, ему почти ничего не было слышно. Однако шум из зрительного зала до него всё равно доносился. Публика аплодировала.

В следующую минуту доски снова поставили и закрепили. Крышка открылась, и сильные руки нырнули в ящик. Люциус вскочил. Мнимый туг швырнул его через сцену, и Люциус приземлился рядом с матерью на театральных подмостках. Зрители зааплодировали ещё громче, некоторые кричали «Браво!».

Люциус, расплывшись в улыбке, посмотрел на мать — та с гордостью улыбнулась ему в ответ.

— Ужасные туги, — Ирэн указала на работников театра и взяла за руку Люциуса, — и мой отважный сын, позволяющий матери протыкать его мечами!

Люди засмеялись и зааплодировали ещё громче. Люциус поклонился. Его сердце колотилось ещё сильнее, чем до выступления,